

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

К. В. ЧИСТОВ

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Для нынешнего этапа развития общественных наук в нашей стране характерно стремление точнее уяснить их место и функции в современности, найти новые формы и методы приложения специальных знаний к решению актуальных задач коммунистического строительства, правильно сочетать обобщающие работы исторического плана с систематическим изучением социальных и культурных процессов наших дней. Ближайшее двадцатилетие несомненно ознаменуется ростом значения общественных наук, призванных обобщить опыт и теоретически обосновать создание высших форм социальных отношений, политики и культуры, сыграть решающую роль в создании того изобилия духовных благ, без которого немислим коммунизм.

В каждой из общественных наук осмысление современных задач развивается в специфических формах, зависящих от множества факторов и обстоятельств. Вместе с тем есть и некоторые общие черты — забота о чистоте теоретических оснований, стремление освободиться как от ошибок и заблуждений, связанных с догматизмом, порожденным в ряде областей общественных знаний периодом культа личности, так и от всецелого воздействия буржуазной идеологии и, наконец, развитие творческих направлений, тесно связанных с практикой коммунистического строительства. В этом свете представляет определенный интерес дискуссия, развернувшаяся в советской фольклористике в 1959—1961 гг.¹

Вопросы, ныне волнующие фольклористов, обсуждаются не в первый раз. Достаточно вспомнить о бурном споре вокруг книги «Очерки русского народно-поэтического творчества» и памфлетов Н. Леонтьева «Волхование и шаманство» и «Затылком к будущему» в 1952—1954 гг. Однако неверно было бы думать, что спор о роли фольклористики в современности ведет свою историю именно с «Очерков» и названных памфлетов, как это говорилось в некоторых статьях последних лет. Он начался еще в 30-е годы и длится по крайней мере четверть века. Затянувшись на столь длительное время, этот спор не мог не сказаться на практической деятельности фольклористов и неоднократно наносил серьезный ущерб общественному престижу фольклористики.

¹ См. статьи В. Аникина, Ю. Самарина и П. Ухова в журнале «Вопросы литературы», 1959, № 12; В. Василенко, Н. Гаген-Торн, В. Потявина, Л. Емельянова и В. Сидельникова в журнале «Русская литература», 1960, № 2; статьи В. Аникина, П. Выходцева, В. Гусева, Л. Емельянова, Э. Померанцевой, Б. Путилова в сб. «Русский фольклор», 1960—1961 гг., вып. V и VI; статьи Б. Кирдана, Ф. Лаврова, А. Соймонова, Л. Яценко и др. в журнале «Народна творчѣсть та етнографія» (1960—1961 гг.); статьи В. Гусева и Н. Кузьмичева в сб. «Русская народная поэзия», Горький, 1961, № 1. В декабре 1961 г. в Киеве состоялось Всесоюзное совещание по вопросам современного народного поэтического творчества, в центре внимания которого были все те же дискуссионные проблемы (отчет см. в настоящем номере журнала, стр. 196—199).

Разумеется, дело тут не просто в том (как это казалось Н. Леонтьеву), что десяток незадачливых фольклористов заблуждается и стоит их хорошенько «проработать», как все исправится. Дискуссия явилась отражением бурных, сложных, противоречивых и переходных по своему характеру процессов, которые происходили и происходят в действительности. Потребовался серьезный пересмотр не только ряда традиционных теорий, но и многих элементарных представлений и терминов. Фольклористы спорили о том, считать ли то или иное современное явление фольклорным или нет не потому, что какой-то части ученых отказывала логика. В наше время действительно не всегда просто определить границу между фольклором и литературой, творчеством индивидуальным и коллективным, личным и безличным, профессиональным и самодеятельным.

Когда исполнитель старинной песни или былины, сказки или причитания пел или рассказывал то, что было создано задолго до него, было ясно, что перед нами явление фольклорного характера. Даже и в том случае, когда прежде сказитель, не владевший грамотой и не читавший книг, сочинял песню, сочетание определенных социальных, идеологических, стилевых и технических признаков делало природу этой песни ясной. Фольклористы не сомневались в том, что она им подведомственна. Когда же в наши дни участник самодеятельного хора (городского или сельского) или баянист, или просто любой советский человек, приобщенный к современным формам эстетической культуры, но не ставший профессиональным поэтом или композитором и не стремящийся к этому, создает песню, частушку, устный рассказ, напишет стихотворное или прозаическое произведение, то обнаруживается, что старым способом нельзя определить — фольклор это или нет, поэт или народный певец ее сочинитель или исполнитель и чем все это отличается от сочинения текста Фатьяновым или Ошаниным в содружестве с Соловьевым-Седым, Новиковым, Покрасом и др. Особенно усложнялся этот вопрос, когда вновь созданная и часто уже бытующая песня по своему поэтическому и музыкальному строю оказывалась более похожей на современные песни профессиональных поэтов и композиторов, чем на старинную народную песню. Тут уж окончательно все полочки, по которым фольклористика привыкла раскладывать литературные и фольклорные явления, трещали и перекашивались. В этих условиях возникла своеобразная тоска по схоластической «чистоте» научного факта, невозможной в условиях переходного времени. Она в значительной мере и определила эмоциональные качества многих дискуссионных статей.

Спор оказывался незавершенным еще и по другим причинам. Как это ни парадоксально, но весь видимый радикализм статей Н. Леонтьева был по своей природе глубоко догматическим. Требовалось дать решительный ответ — «да или нет», «за или против», существует советский фольклор или нет, расцветает он и будет бесконечно расцветать или весь от начала до конца придуман фольклористами. Какие-нибудь иные решения исключались. Попытки вернуться к такой постановке вопроса делались и в некоторых статьях, появившихся совсем недавно.

Догматизм привел Н. Леонтьева к противопоставлению фольклорной традиции новотворчеству и, даже более того, советской литературе. Бессмысленность «проблемы» — «былины или Шолохов», противоречащей марксистскому отношению к художественному наследию, настолько очевидна, что не стоит к ней возвращаться. Не менее нелепым было сложившееся еще в 30-е годы и поддержанное Н. Леонтьевым обыкновение расчленять унаследованное и новое, заменять широкое представление о фольклоре советской эпохи понятием «советский фольклор». В народной традиции всегда органически сочеталось накопленное веками и воспринятое без существенных изменений, переосмысленное и созданное вновь и, с другой стороны, сохранялось только то, что отвечало каким-то потребностям современников.

Расчленение понятия «фольклор советской эпохи» на «традиционный» и «советский фольклор» привело к тому, что все традиционное сбрасывалось со счета и противопоставлялось столь же узко понятому современному. Не учитывалось или почти не учитывалось и все созданное в сфере литературной и профессиональной и принятое народом.

Если иметь в виду исторически неизбежное сужение функций устной поэзии в наши дни, так как все большее число эстетических потребностей удовлетворяют другие формы поэтической культуры — книга, периодическая печать, радио, телевидение, театр, художественная самодеятельность во всех ее разновидностях, станет ясным, почему «советский фольклор» не оправдывал надежд некоторых фольклористов. Положительные фольклористики усложнялось еще тем, что попытки реалистически разобратся в современных процессах, понять, в каких же формах (фольклорных и иных) развивается эстетическая жизнь народа, квалифицировались в то время как вредная пропаганда «антимарксистской теории отмирания фольклора». Отсюда возникло стремление расширить термин «фольклор» таким образом, чтобы он покрывал и явления современности. Поэтому и спор развивался вокруг одного только вопроса — что включать в понятие «советский фольклор». Спор становился схоластическим и бесперспективным, и это привело к отказу значительной части фольклористов от изучения современности.

Итоги дискуссии 1952—1954 гг. были подведены в статьях В. И. Чичерова и Б. Н. Путилова². Статьи эти совпали в важнейших моментах. Считаюсь с тем, что в стране произошла культурная революция и основная часть народа стала не только грамотной, но и приобщилась ко всем современным формам художественной культуры, оба автора утверждали, что «устность» не должна больше служить главным критерием фольклорности, ее должна заменить «коллективность». Обсуждение этого вопроса перекинулось и в область истории фольклора. Появились статьи, в которых «коллективность» объявляется основным признаком фольклора во все времена его существования и на всех стадиях развития в противоположность литературе, основным признаком которой (тоже во все времена и у всех народов) будто бы была и остается индивидуальность и единичность творческого акта. Фольклор — особый вид искусства, в нем все сплошь традиционно и коллективно, в литературе все ново и неповторимо, все возникает каждый раз на иной исторической почве, утверждают авторы этих статей, игнорируя и реальную историю фольклора и реальную историю литературы³.

Фольклор и литература всегда были двумя потоками единого словесного искусства, они всегда пользовались одним материалом (словом), у них всегда был одинаковый предмет или объект изображения и сходные в основных чертах общественные функции. И в фольклоре, и в литературе на разных стадиях развития по-разному, но всегда диалектически сочетались элементы традиционного и нового, коллективного и индивидуального. Верное представление о том, что в целом в фольклоре сильнее традиционное начало, а в литературе — индивидуальное, толкуется упрощенно и прямолинейно, неосмотрительно применяется к каждому отдельному случаю, превращается в определитель фольклорности. Выдвижение критерия коллективности и требование продемонстрировать его в «химически чистом виде» (коллектив не есть сумма индивидуальностей, коллектив не есть артельность, два человека еще не коллектив.

² Б. Н. Путилов, О современном народно-поэтическом творчестве, «Звезда», 1954, № 2, стр. 114—151; В. И. Чичеров, Проблемы изучения советского народного поэтического творчества, «Новый мир», 1954, № 8, стр. 203—216.

³ См., например, статьи В. П. Аникина «Коллективность как сущность творческого процесса фольклора» (сб. «Русский фольклор», вып. V, Л., 1960) и «Об антиисторизме в изучении традиционного фольклора» (сб. «Русский фольклор», вып. VI, Л., 1961)

три тоже и т. д.) на следующем этапе спора стало использоваться для теоретического обоснования отказа от занятий вопросами современности. Появилась возможность отвергать как не подлежащие ведению фольклористов многие явления современной эстетической жизни народа, так как они не есть продукт творчества коллектива. Зазвучали призывы подождать, пока то или иное произведение станет коллективным, пока песня или частушка, или устный рассказ будут приняты народом и в процессе бытования осуществится «коллективизация» и в идейном и в художественном смысле. Естественно, что ни одно реальное поэтическое явление «на корню», т. е. вскоре после возникновения, подобным требованиям не удовлетворит. Между прочим, им не удовлетворила бы и ни одна классическая лирическая песня, сказка, былина, историческая песня или баллада, зафиксированные вскоре после их создания, ни один текст, записанный от более или менее талантливого исполнителя, хоть как-нибудь проявившего свою индивидуальность (былины Т. Г. Рябинина и В. П. Щеголенка, причитания И. А. Федосовой и Н. С. Богдановой, сказки М. М. Коргуева и Ф. П. Господарева), и уж тем более весь рабочий фольклор.

Прямолинейное толкование понятия «коллективность» делает невозможным не только изучение большинства явлений современной поэтической жизни народа, но и истории фольклора. Так как «коллективность» может возникнуть только в результате продолжительного бытования, фольклориста, согласно этой концепции, не должно интересовать ничто новое. Он должен изучать только то, что прожило какое-то количество десятилетий и обрело историческую инерцию. Характерно, что сторонники подобных взглядов не опубликовали ни одной работы по современности, если не считать таковыми дискуссионные статьи, опирающиеся более на отвлеченные умозаключения, чем на надежные и проверенные факты.

Выдвигался еще один критерий: фольклорным имеет право называться только художественно совершенное. Однако и этот критерий ни к чему, кроме самого безудержного субъективизма, привести не может. Не только в фольклоре, но и в литературе, профессиональной музыке и изобразительном искусстве рядом с явлениями выдающимися всегда существовали рядовые и даже заурядные, однако от этого они еще не переставали быть явлениями литературы, музыки или изобразительного искусства. Как известно, без молока сливок не бывает.

Можно понять побуждения сторонников этого критерия, если вспомнить сколько было у нас спекулирующих терминами «фольклор» и «народное творчество», попыток идеализировать все фольклорное, вывести его за пределы какой бы то ни было идеологической и эстетической критики. Однако надо отдать себе ясный отчет в том, что почти невыполнимое требование художественного совершенства создавало еще одно основание отвергать множество явлений современной поэтической жизни народа как не подлежащих изучению фольклористов. Например, если хор создал песню, всегда можно сказать, что ее создал не весь народ, а всего только один хор и даже, может быть, не весь хор, а только часть его, творческая группа или какой-нибудь один его участник или даже руководитель хора. При ближайшем рассмотрении может оказаться, что хор создал лишь новый текст к старой мелодии или только мелодию на слова профессионального поэта или композитора. Следовательно, это не акт коллективного творчества в точном и бескомпромиссном смысле этого слова, и фольклористике тут нечего делать. А если еще песня и не очень хороша, критерий художественного совершенства не выдержан — она и вовсе не фольклорна.

Именно на этой теоретической основе и появилось невероятное для наших дней отрицание каких бы то ни было обязанностей фольклористики по отношению к современности, которое с особенной силой проявилось

в статьях Л. И. Емельянова⁴. В этих статьях утверждается: так как фольклор в чистом виде в наше время отыскать не легко или он играет, по крайней мере, не ведущую роль в эстетической жизни народа, то фольклористика должна превратиться в сугубо историческую дисциплину типа античной филологии, передав остальные функции домам народного творчества. Точка зрения Л. И. Емельянова вызвала многочисленные возражения. К сожалению, при этом снова предпринимаются попытки вернуться к догматической постановке основного вопроса дискуссии. Нельзя делать вид, что с 30-х годов ничего не произошло и нигилистической точке зрения противопоставлять декламации о расцвете советского фольклора. Задача состоит вовсе не в простом утверждении, что фольклорные формы продолжают существовать, и не в повторении давно известной истины о сосуществовании фольклора с художественной самодеятельностью и литературой.

Никто из спорящих не сомневается в мощном расцвете советской культуры. Давно уже выяснено, что, кроме фольклорных форм, есть еще и другие, не менее прогрессивные формы художественной культуры советского народа. Задача заключается в том, чтобы, не упуская из вида ни одной из них, выяснить их реальное соотношение в быту народа, специфику их взаимодействия на современном этапе, в деталях изучить современную поэтическую жизнь народа и уловить то направление, по которому она развивается в целом и в отдельных районах страны, влияние различных факторов, стимулирующих или тормозящих развитие отдельных ее форм и видов. Обо всем этом мы знаем мало. Обилие теоретических предположений (иногда верных, но чересчур общих) и скудость фактической базы не раз уже превращали дискуссию в перевешивание этикеток: фольклор — не фольклор; фольклор шире, чем народное творчество; народное творчество шире, чем фольклор; художественная самодеятельность — фольклор, не фольклор и т. д. и т. п.

Нам представляется, что необходимо максимально четкое уяснение предмета фольклористики как науки. Существование любой общественной науки может считаться оправданным только в том случае, если она выбирает своим предметом определенную область социального бытия человека и видит свою задачу в изучении причин и хода исторической смены форм, которые возникают, бытуют или господствуют в этой области. Фольклористика не должна связывать свое существование с одной из исторически преходящих форм поэтического сознания, даже если ей она обязана своим общепринятым названием. Поэтому, как бы это парадоксально ни звучало, следует решительно заявить, что неверно считать предметом фольклористики только фольклор, если под этим словом разуметь определенную форму поэтического сознания и творчества — устную, коллективную, выработавшую определенные и относительно стойкие традиции, отличающуюся вариативностью, безличностью и т. д.⁵

Предметом фольклористики всегда была и должна быть поэтическая жизнь народа в ее историческом развитии, история народной поэтической культуры, каким бы изменениям она ни подвергалась и какие бы формы (фольклорные и иные) она ни приобретала. Разумеется, в отличие от литературоведения фольклористика должна заниматься массовыми формами поэтической культуры, а не специфически профессиональ-

⁴ Л. Емельянов, Чем должна быть фольклористика? «Русская литература», 1960, № 2; его же, Понятие «фольклор» в советской фольклористике, «Русский фольклор», вып. VI, М.—Л., 1961.

⁵ Кстати говоря, к такому словоупотреблению, вероятно, следует вернуться. Безграничное расширение понятия «фольклор», применение этого термина к народному поэтическому творчеству любой, в том числе и советской, эпохи, как показал опыт последних лет, приводит лишь к терминологической путанице.

ными. Выдающиеся, единичные, индивидуальные формы (например, творчество профессиональных поэтов и композиторов) подлежат ее изучению только в меру их влияния на массовые формы. Так, скажем, фольклористика не считает своей задачей изучение творчества Т. Г. Шевченко, но не может не интересоваться его влиянием на украинскую песенную традицию как существенным моментом истории украинской песни XIX в. Фольклористика изучает явления поэтического искусства с их массовой, бытовой стороны, конечно учитывая при этом (и не только учитывая, но и исследуя!) их эстетическую природу. Если для литературоведения (так же как и искусствоведения) один выдающийся факт может быть важнее тысячи массовых, рядовых и общераспространенных, то для фольклористики типология, эстетика, генезис, история и социология именно массовых форм, — дело первостепенной важности, ее основная задача и цель. Среди бесконечного разнообразия фактов поэтической жизни народа для фольклористики особенно важны и интересны те, которые вошли в массовое бытование, получили широкое распространение, стали типичными для того или иного исторического периода.

Фольклор — специфическая форма поэтического сознания и творчества народа преимущественно дофеодалного и феодального периодов. Если говорить о России и об истории русской народной поэтической культуры, то нельзя не заметить, что не только в советское время и даже не в период капитализма, а по крайней мере на последней стадии развития феодализма (т. е. с XVII в., а затем в XVIII и XIX вв.) рядом с фольклорными начали появляться и иные формы удовлетворения эстетических потребностей народа. Посадские низы, а потом крестьянство заявляют себя в рукописной литературе, возникает лубок — своеобразная форма русской народной книги (с конца XVIII в. он становится печатным), в народную среду начинают проникать книжные песни и романсы, рукописные и печатные книги, определяется, наконец, специфическая для истории русской литературы линия «крестьянских поэтов» (от поэтов первых десятилетий XIX в. с А. В. Кольцовым во главе до так называемого «суриковского кружка»), позже появляется рабочий фольклор, для которого характерно очень сильное книжное влияние, и революционная песня. Однако в целом фольклорная разновидность создания и бытования поэтических произведений продолжала оставаться наиболее массовой, типичной, характерной и, в этом смысле, ведущей⁶.

После Великой Октябрьской социалистической революции процесс этот не только ускорился, но и приобрел многие новые качества. Это не значит, однако, что традиционный фольклор и фольклорные формы современного творчества уже не существуют или не представляют интереса для исследователя. Во многих районах современного расселения русского народа традиция старинной песни или фольклорной песни более позднего происхождения еще достаточно сильна, в других она слабее или почти иссякла. Повсеместно распространены частушки, устные рассказы, бытовые анекдоты, пословицы, поговорки. Все это не должно выпадать из круга интересов собирателей и исследователей. И все же нельзя не видеть, что поле действия фольклорных форм сужается, рядом с ними активно живут другие виды и формы поэтической культуры народа. В настоящее время (я имею в виду русских; у других народов Советского Союза этот процесс развивается в разном темпе и отличается многими существенными особенностями) достигнута такая стадия, на которой литература и другие формы профессионального искусства стали играть ведущую роль в эстетической жизни народа, в развитии массовой поэтической культуры. Это определило широкий размах литературной самодеятельности, появление множества полулитературных и околотитера-

⁶ Следует отметить, что многие затронутые здесь вопросы слабо изучены нашей фольклористикой и по отношению к XVII—XIX вв.

турных форм (песни хоров, творчество агитбригад, сценические интермедии, превращение некоторых сказителей в поэтов и поэтесс и т. д.), сильное, подчас определяющее влияние профессиональной литературы на современные фольклорные и полужольтклорные формы создания и бытования поэтических произведений, заметное усиление индивидуального начала во всех видах массового творчества, включая и специфически фольклорные. Все эти формы не только сосуществуют, но и непрерывно взаимодействуют, сочетаясь в самых неожиданных комбинациях и переходя друг в друга.

Всю совокупность этих форм в их взаимовлиянии и взаимопереплетении и должна изучать наша наука. Задача эта трудна, но не необъятна, и фольклористике вовсе не грозит при этом, как иронически замечалось в одной из статей, превратиться в «науку наук»⁷. Она останется фольклористикой, но осознавшей свою цель и свои средства. Именно так, а не иначе понимали ее задачи и Чернышевский, и Добролюбов, и Горький. Они считали ее наукой народоведческой и отвергали попытки связать задачи фольклористики только с какой-нибудь одной из сторон или форм эстетической жизни народа.

Предмет фольклористики как науки обладает очень важной особенностью: он одновременно и явление эстетическое, и явление бытовое. В прошлом это проявлялось в том, что рядом со сказкой, былиной, исторической песней стояли обрядовые жанры (колядки, веснянки, песни подблюдные, семицкие и свадебные, обрядовые и бытовые причитания и т. д.), жанры просто бытовые (игровые и колыбельные песни, детские потешки, загадки, песни покосные, жнивные, капустные), профессиональные песни (бурлацкие, ямщицкие, солдатские), жанры, неотделимые от речевой повседневности (поговорки, пословицы, афоризмы, «краснословье» и т. д.), и, наконец, широкое море народной прозы (шутки, анекдоты, устные рассказы, предания, легенды и пр.). Фольклористов всегда интересовали не только возникновение, но и дальнейшая жизнь песни, сказки, былины; предметом исследования служила традиция как таковая, обусловленная бытовой устойчивостью того или иного произведения; наконец, всегда привлекал их внимание процесс фольклоризации литературных произведений, техника и природа исполнительства, в котором в разных пропорциях сочетались традиционные и творческие моменты. Следует подчеркнуть, что все это явления не побочные или наносные, а заложены в самой природе народной поэтической культуры.

В отношении современности это значит, что фольклористику должны интересовать, условно говоря, и творческие, и исполнительские, и «потребительские» моменты⁸, т. е. не только текст того или иного произведения, как его зафиксировал собиратель, но и бытовая история этого текста, его эстетическое окружение, почва, обусловившая его возникновение, и его дальнейшая история. Это относится в равной степени к старым формам поэтической культуры (фольклорным по преимуществу) и к новым — бытованию современной песни, частушки, устного рассказа, книги и т. д. вплоть до новейших синтетических форм — кино, театра, радио, патефона и т. д. При этом должны изучаться как организованные формы народной эстетической жизни (художественная самодеятельность, хоры, агитбригады, литературные объединения и т. д.), так и бытовые, стихийные, и особенно процесс их взаимодействия и взаимовлияния. Не следует тешить себя иллюзиями, что из всей массы современных

⁷ Л. И. Емельянов, Понятие «фольклор» в советской фольклористике, стр. 23.

⁸ С точки зрения теоретической, каждый акт «потребления» произведения искусства (чтение книги, слушание песни, созерцание картины) неизбежно содержит в себе творческий элемент; без него восприятие произведения искусства не может осуществиться.

фактов мы все-таки сумеем извлечь фольклорные и на них остановиться, сделать их в конечном счете основным сюжетом исследований. Все существующие формы поэтической культуры народа должны считаться заслуживающими внимания. В центре изучения каждый раз должно ставиться то, что в действительности образует основной слой современной поэтической культуры обследуемого района.

Культ личности сказался в фольклористике не только в возникновении значительного количества песен, стихов и сказов, восхвалявших Сталина и приписывавших ему все достижения народа и партии, но и в том, что фольклористы стали забывать о необходимости оценивать каждое фольклорное явление с точки зрения его реальной роли в поэтической жизни народа. Сказался он и на ходе дискуссии — назывались и выдвигались отдельные произведения советского фольклора без учета их значения в эстетической жизни народных масс, в качестве довода приводились цифры, которые характеризовали только старательность участников той или иной экспедиции, количество собранных текстов, а не процессы, происходящие в районе, в котором они побывали. Преодолеть все это можно только кропотливым и объективным изучением современных процессов. Споры о том, есть в наши дни фольклор или нет его, пора заменить правильно организованным выяснением того, что есть в современном эстетическом быту народа (включая и фольклор)⁹. Нельзя не заметить, что сторонники «чисто фольклорных» исследований постоянно оказываются в странном положении: констатируя отмирание некоторых фольклорных произведений и целых жанров, они либо создают впечатление, что современность представляет собой некую выжженную и безводную пустыню, либо начинают каждую травинку выдавать за дерево, каждую песчинку за скалу, каждую каплю за полноводную реку. Одни формы могут уходить, другие возникать, периоды бурного и стремительного развития сменяются относительным затишьем, но в целом эстетический быт народа не знает пустот. Эстетические потребности народа вечны, как вечна и воля народа к творчеству, но способы удовлетворения этих потребностей и формы творчества меняются в ходе истории; в изучении их и заключается основная задача фольклористики.

Противники высказанной точки зрения обычно говорят о непомерном расширении функций фольклористики, о том, что ей грозит забвение основной задачи — изучения фольклора как такового. Повторим еще раз: речь идет не о навязывании фольклористике несвойственных ей новых задач, а о верном осознании тех задач, которые всегда ею ставились и разрешались (разумеется, по-разному на разных этапах) и которые мы рискуем упустить из виду.

В XIX в., приезжая в какое-нибудь село, собиратель был уверен, что фольклор, в основном, покрывает эстетические потребности населения¹⁰. Если что-нибудь при этом и пропускалось, ошибка все же была невелика — значение рукописной традиции, книги, даже лубка было неизмеримо меньше, чем фольклора.

В наше же время фольклор является только одной из многих форм поэтического быта и поэтического творчества народа, причем формой не единственной и не ведущей, находящейся под заметным воздействием художественной литературы, кино, театра, творчества начинающих поэ-

⁹ Стремление во что бы то ни стало доказать, что фольклора нет, столь же опасно как и обратное, — оно ведет к искажению действительности и, по существу, является догматизмом навыворот. Ср., например, отчеты о поездках в Костромскую обл. (см.: «Русский фольклор», вып. VI, М.—Л., 1961, стр. 132—140 и 144—146).

¹⁰ Фольклором удовлетворялись не только художественные (поэтические, музыкальные) потребности. Говоря современным языком, он был и устной книгой, и устным журналом, и устной газетой, и формой художественной самодеятельности, и способом закрепления и передачи исторических, юридических, метеорологических, медицинских и прочих знаний.

тов и прозаиков. Без учета этого воздействия, без тщательного изучения смешанных форм (полуфольклорных, имеющих некоторые фольклорные качества, или фольклоризированных) немислимо изучение и собственно фольклорных явлений и фактов. Попытки изолированного изучения фольклорных форм неизменно приводят к выводу, что эти формы не отражают многих существенных сторон современной жизни народа. Опираясь только фольклорными записями, нельзя охарактеризовать ни современный поэтический быт, ни понять эволюцию самого фольклора. Так, многие — несомненно фольклорные — песни, возникшие в годы Великой Отечественной войны, в значительно большей мере связаны не со старинной крестьянской песней, а с песнями революционными, времен гражданской войны и, особенно, массовыми песнями 30-х годов, созданными профессиональными поэтами и композиторами. Возникали они в различных районах страны и в самых разнообразных коллективах, но имели между собой больше общего, чем с традиционными песнями, бытовавшими в этих районах.

Все это не значит, что традиционные песни надо предать забвению. Они должны изучаться с максимальным вниманием и потому, что некоторые старые жанры и традиционные произведения уходят из жизни, и потому, что они все-таки еще существуют и тем самым продолжают оставаться фактами современности. Народная память не знает напрасной, немотивированной инерции. Бытующая песня, как бы давно она ни возникла, не пережиток и не музейный экспонат, а ценимое народом художественное наследие и, вместе с тем, элемент поэтической культуры наших современников. Песня и сказка — не соха и не курная изба; их уход из быта народа еще не означает их ненужности нашим современникам и последующим поколениям. Стремясь к духовному изобилию, мы должны относиться к ним максимально бережно, записывать, сохранять и издавать, способствуя их «второй жизни» в книгах. В этом смысле несомненно полезны и экспедиции старого типа, участники которых интересуются только фольклором, и преимущественно традиционным. Однако надо отдавать себе ясный отчет в том, что подобным методом нельзя собрать достаточно надежные факты, при помощи которых можно было бы нарисовать объективную картину современной поэтической жизни народа или хотя бы определить место и роль фольклора в современности.

Сторонники «чисто фольклорных» исследований никогда не дают ответа на самый важный вопрос: если фольклористика не сочтет своей обязанностью изучать современную словесно-художественную жизнь народа во всем ее объеме, то какой же науке это должно быть поручено? На наш взгляд, было бы полезнее обсудить, соответствует ли современным задачам традиционное название науки об истории поэтической культуры народа — «фольклористика», чем настаивать на том, что такое название обязывает нас будто бы заниматься только фольклором, какие бы изменения в жизни народа ни происходили¹¹.

Фольклористика должна иметь ясно очерченный и специфический предмет занятий. Это не значит, что ей следует наглухо отгородиться от других общественных наук. Как наука, изучающая массовые формы поэтического быта народа, фольклористика всегда была и остается органической частью этнографии; как наука, исследующая поэтический быт народа, она — органическая часть литературоведения. В этом смысле фольклористика не составляет исключения. Все современные науки пересекаются и переплетаются с рядом соседних и родственных

¹¹ Напомним, что термин «фольклористика» возник сравнительно недавно. Фольклористику в прошлом называли наукой о народной поэзии, или народной словесности, этнографией (в смысле народоведения) и даже археологией (в смысле науки о старине и традиции) или антропологии (наука о человеческой деятельности).

наук; это, однако, не приводит их ни к потере ощущения собственного предмета, ни к утрате преемственности опыта прошедших столетий.

Выдвижение вопросов современности, подчеркнутое внимание к ним не должно вести к свертыванию других фольклористических специализаций — общей теории и истории фольклора, изучения генезиса и художественной природы развития отдельных жанров, фольклористической текстологии, истории фольклористики, истории литературно-фольклорных отношений и т. д. Без развития всех этих направлений современность не может быть осмыслена как результат истории, как звено между прошлым и будущим. С другой стороны, изучение современных процессов не может не составить специфической и очень важной отрасли фольклористики. Именно такое изучение является наиболее непосредственным выполнением общественного долга нашей науки. На наш взгляд, современное многообразие массовых поэтических форм, решительные перемены, которые произошли в быту народа, делают особенно перспективными фольклористические исследования историко-культурного и историко-бытового плана.

* * *

Экспедиционные и обобщающие исследования в том направлении, которое нам кажется правильным, с некоторых пор уже ведутся рядом научных организаций и отдельными фольклористами. Можно назвать экспедиции Института этнографии АН СССР на Дон в 1949 г. под руководством В. Ю. Крупянской, а также в Нижний Тагил, Забайкалье и на целинные земли в 1958—1960 гг. и др., экспедиции Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР в 1949—1950 гг. в Сегежу и в последующие годы в другие районы Карелии, работы студенческих отрядов под руководством В. Е. Гусева в Челябинской области, отдельные работы экспедиции МГУ под руководством Э. В. Померанцевой, работы В. А. Василенко и Б. П. Кирдана в области художественной самодеятельности. Особое внимание фольклористов привлекла Костромская экспедиция Института русской литературы АН СССР в 1958—1959 гг. под руководством В. Е. Гусева. И все же подобные работы ведутся еще очень разрозненно и несистематично, материалы большинства экспедиций не опубликованы вовсе или увидели свет лишь частично. Слабо разработаны сложные и во многом новые вопросы экспедиционной методики, совершенно не публиковались и не подвергались более или менее широкому обсуждению полевые программы и вопросники. Между тем методика сбора материала, определение круга охватываемых вопросов и способов их выяснения чрезвычайно важны.

Справедливость требует отметить, что часто и экспедиции, ставившие своей целью сбор текстов традиционного фольклора, не отказывались от наблюдений за современными процессами. Однако обычно все ограничивалось впечатлениями с птичьего полета, двумя-тремя фразами, внесенными в отчет и монотонно повторявшими общеизвестную истину — современные массовые песни охотно поются в обследованном районе. В лучшем случае в подтверждение этого приводилось пять-десять названий песен, первых попавшихся под руку. Добытый таким способом и в таких размерах материал не давал ничего нового и не имел никакого — ни теоретического, ни документального значения.

Это заставляет считать, что выработка новых приемов экспедиционной работы имеет сейчас первостепенное теоретическое значение. Фольклорист-собираатель — не приспособление для записи текстов, а исследователь, ответственный за состояние фактической основы науки. Факты, которые он добывает, должны вырастать в систему, основанную на надежном теоретическом фундаменте. Только при этом условии фольклористика обретет должное количество достоверных фактов и сможет создать верную картину современного этапа истории поэтической культуры народа. Поэтому заключительную часть нашей статьи мы посвятим изложе-

нию некоторых общих принципов современной экспедиционной фольклористической работы, как они нам представляются в настоящее время¹².

Уже говорилось о том, что народная поэтическая культура — явление одновременно и эстетическое и бытовое. Соответственно с этим фольклористика должна ставить перед собой две задачи: учет и исследование современных массовых форм народной эстетической культуры в их взаимосвязи и изучение всех творческих проявлений, в какой бы форме они ни развивались (фольклорная или литературная, коллективная или индивидуальная, массовая или единичная, устная или письменная и т. д.).

Первую из этих задач можно условно назвать изучением современного массового репертуара, имея в виду при этом всю сумму бытующих в народе форм восприятия, исполнения, т. е., условно говоря, «потребления» поэтических произведений и т. д.¹³ Современной фольклористикой еще не разработана методика систематизации типов и видов массовой поэтической культуры и шире — форм массовой художественной культуры. Поэтому наше членение поэтического репертуара не может не быть условным.

На первое место, естественно, выдвигаются вопросы песенного репертуара, т. е. учет и изучение всех песен, которые бытуют в настоящее время в городе или селе. При обследовании того или иного населенного пункта в этом отношении должны применяться самые разнообразные средства и методы: расспросы и запись текстов, учет репертуаров отдельных исполнителей и устойчивых исполнительских коллективов (семейных и дружеских ансамблей и «артелей», хоров самодельности и т. п.), наблюдения и запись на народных гуляниях, праздниках, вечеринках, изучение рукописных песенников, материалов местной печати и архивов районных и областных отделов культуры, клубов и других учреждений. Полный учет всего, что исполнялось и помнилось населением изучаемого района в определенный отрезок времени, уже явится важным документом, фиксирующим конкретный момент истории народной песни этого района. Накопление подобных документов по различным районам и за последовательный ряд лет создаст основу для сравнительного изучения современной песни в локальном и хронологическом аспекте, для выявления закономерности развития репертуара и его зависимости от различных местных экономических, культурных, социальных, исторических и прочих факторов.

Даже размеры современного репертуара мало известны и представляют значительный интерес. Запись 150—200 традиционных и активно бытующих песен в любой русской деревне XIX в. считалась выдающимся событием. А сколько песен знают сейчас жители одного села или города? Обследование, проведенное нами в Сегеже — сравнительно небольшом городке, выросшем в конце 30-х годов на берегах Выгозера вокруг одного из древнейших в Европе лесохимических и бумажных комбинатов, дало вполне неожиданную цифру в 316 песен¹⁴.

Из них около трех четвертей от общего количества составляли песни, созданные профессиональными поэтами и композиторами (192 сюжета), и советские песни устного происхождения (39), остальные оказались старинными русскими народными песнями (51) и романсами — классическим (13) и так называемым «жестоким» (21).

Общий анализ репертуара, разумеется, не может ограничиться подсчетом количества сюжетов по отдельным группам песен. Важно еще

¹² Подробная программа сбора полевых материалов по современной народной поэтической культуре публикуется в сборнике экспедиционных программ, подготовленном Институтом этнографии АН СССР.

¹³ Т. е. словесно-художественных, разумеется, обычно в сочетании с музыкальными, драматическими, хореографическими и другими элементами.

¹⁴ См. подробнее об этом: К. В. Чистов, Литературно-художественная культура социалистической Сегежи, «Изв. Карело-Финского филиала АН СССР», 1950, № 2, стр. 67—76. Кроме того, было записано несколько сотен частушек.

показать, какие бытуют виды и жанры песен, какими идеологическими и художественными качествами они отличаются. Однако и это далеко еще не все. Простой учет и запись бытующих песен и их идейно-художественный и, так сказать, статистический анализ и даже изучение движения репертуара за ряд лет еще не решит основную задачу. Останется не выявленной степень активности бытования отдельных песен или их групп и видов. Чтобы восполнить этот пробел, некоторыми сторонниками изучения современных процессов был произведен в последние годы своеобразный опыт так называемого «пассивного» изучения репертуара, который заключается в том, что участники экспедиции, опасаясь преувеличить роль и место в повседневном быту народа песен, записанных от отдельных исполнителей, учитывали и записывали только то, что звучит само, без всяких расспросов и побуждений. Можно понять мотивы подобного эксперимента. Однако такой метод может дать достаточно надежные результаты только при чрезвычайно длительном стационарном наблюдении. Он может применяться не участниками экспедиционного отряда, а краеведами, десятками лет живущими в изучаемом районе. Опыт показывает, что некоторые песни звучат не регулярно и, тем не менее, хранятся в памяти народа. Их исполнение может быть связано с определенными праздниками, с сезонными работами, семейными или общественными событиями. Приведем только один пример: многие фольклористы отмечали, что в первые же месяцы Великой Отечественной войны как бы внезапно припомнились старинные солдатские песни и песни времен гражданской войны, которые считались давным-давно забытыми.

Идеалом должно считаться сочетание стационарного и экспедиционного метода и решительно должен быть отвергнут так называемый маршрутный метод (при котором за короткое время обследуются десятки населенных пунктов), допустимый только для первичной рекогносцировки, выбора объекта или сбора некоторых сравнительных сведений. Что же касается стационарного метода, то и он должен включать как простое наблюдение, так и нарочитые расспросы, припоминания, изучение документов и пр. И то и другое должно служить, вместе с тем, задаче не только учета, но и анализа репертуара. Должно быть выяснено, подкреплено фактами и точно зафиксировано, какие из известных населению песен звучат особенно часто и пользуются преимущественной любовью, что исполняется реже и по определенным поводам и, наконец, что относительно пассивно, но все же еще хранится в памяти населения. Совершенно необходима дифференциация и другого характера — по возрастным и социальным слоям. Особенно нужно обращать внимание на особенности изучения репертуара различных профессиональных групп. Большой интерес представляет изучение закономерностей формирования репертуара объединений, как производственных (бригада, звено, артель и т. п.), так и бытовых (общежитие, квартал, улица, городской район).

Движение репертуара будет правильно определено при условии детального изучения источников и каналов пополнения репертуара (устное распространение, рукописные и печатные песенники, местная самодеятельность, радио, кино, телевидение, патефон), межобластных и межнациональных связей, возникающих в результате происходящих перемещений населения, развития культурного общения, смешанных браков и, наконец, при максимальном учете разнообразия современных исполнительских форм (исполнение для себя, на гулянии, на семейном празднике, в клубе, в хоре или на вечере художественной самодеятельности, по местному радиовещанию, чтение песенников и пр.).

Мы остановились особенно подробно на некоторых вопросах изучения песенного репертуара. Не менее важно и вместе с тем не менее — если не более — сложно изучение репертуара устной прозы (бытовое рас-

сказывание, шутка, анекдот, красное словцо, поговорки, пословицы, устные рассказы, сказки, предания, легенды, пересказы книжных произведений, кинофильмов, театральных постановок). В этой области еще менее разработана методика объективного обследования, еще больше требуются продуманные программы и мастерство фольклориста-собира-теля.

И, наконец, необходима тщательная разработка методики изучения репертуара народного чтения. Общеизвестно, что книга все больше и больше входит в повседневный быт нашего народа. По данным ЮНЕСКО, СССР занимает первое место в мире по выпуску книжной продукции. Если в дореволюционной России на душу населения в год издавалось 0,7 книги, то в наше время — 6 книг. Кроме того, фонды общественных библиотек в СССР непрерывно растут и в настоящее время в них хранится (в пересчете на душу населения) в 8 раз больше книг, чем в общественных библиотеках США.

Изучение современного репертуара народного чтения может много дать литературоведению и критике, так же как изучение песенного репертуара может оказать существенные услуги музыковедению. Современная критика спорит о политическом и художественном значении той или иной книги, предрекает ей определенную судьбу, издательства увеличивают или уменьшают тиражи, повторяют издания, однако никто не знает, по существу, как в действительности принята книга народом, вошла ли она в круг народного чтения и долго ли в нем продержалась. В этом отношении мы делаем либо мало, либо нечто очень кустарное. Полезно было бы вспомнить о значительном опыте, накопленном русской наукой в этой области еще в 80—90-е годы XIX в. и в предреволюционные десятилетия¹⁵.

Правда, в последние годы эти и близкие к ним вопросы неоднократно оказывались в поле зрения библиотечников и этнографов, изучающих широкий круг проблем современного развития, культуры и быта народа. Однако и в этих работах методика изучения репертуара народного чтения оставляет желать лучшего. Дело, разумеется, не просто в учете количества библиотек, книжных фондов и книговыдач, хотя несомненно, что постоянный рост этих показателей интересен. Задача состоит в том, чтобы изучить, сколько, кем и какие книги читаются и, кроме того, как они читаются и оцениваются, какой след оставляют они в сознании читателей, какое влияние оказывают на развитие их взглядов, вкусов и художественного творчества. Выработка объективных методов и статистических приемов и здесь чрезвычайно важна, и в этой области факты должны заменить общее впечатление; однако как при изучении песенного репертуара, так и в этом случае цифры дадут далеко не все. Нужны такт и тонкость полевого исследователя, его умение возбуждать дружеское доверие, его способность подмечать многое и не терять из вида основное.

Изучение репертуара народного чтения должно сопровождаться выяснением роли школы, практики семейного чтения, состава индивидуальных библиотек, наблюдением за реальным путем книги после того, как она попадает в руки читателя, сведениями органов книжной торговли о

¹⁵ Известно значительное количество программ и вопросников того времени. Важнейшие из них: А. С. Пругавин, Программа для собирания сведений о том, что читает народ, М., 1888, 14 стр. (2-е изд., М., 1891, 32 стр.); Н. А. Рубакин, Опыт программы для исследования литературы для народа, СПб., 1889, 30 стр. Результаты опросов и наблюдений обобщались и обсуждались в печати. См., например: А. С. Пругавин, Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения, М., 1890, 287 стр.; Н. А. Рубакин, Этюды о русской читающей публике, СПб., 1895, 246 стр.; Х. Д. Алчевская и другие, Что читать народу, т. I—III, Харьков, 1902; С. Анский, Народ и книга. (Из личных воспоминаний и наблюдений), «Русское богатство» за 1902 г.: № 6, стр. 82—115; № 7, стр. 18—60; № 8, стр. 57—75; и др.

спросе на книгу и ходе ее продажи. Все эти вопросы теснейшим образом связаны и с популяризацией книг по радио, через кино, телевидение, на сцене и, наконец, с различными формами бытового пересказывания книг в кругу семьи, общезнания, на производстве: например, в артели вышивальщиц, в портновских мастерских и т. д.

В краткой статье мы не можем коснуться всех вопросов современной экспедиционной методики. Наша задача заключалась в освещении общих задач и методов современной фольклористики. Все, что до сих пор было сказано, безусловно предполагает самое внимательное и бережное отношение ко всем творческим элементам современной поэтической жизни народа, идет ли речь о знатоке и хорошем исполнителе песен, рассказчике, частушечнике, баянисте и участнике хора, сочиняющем песни, о хоре в целом, которым такие песни создаются, об агитбригаде, отзывающейся на местные события, о сказителе или начинающем поэте или прозаике. Все творческие формы должны быть выявлены и рассмотрены самым детальным образом в свете местных традиций, общего хода развития культурной жизни изучаемого района и, в случае обнаружения серьезных достижений, должны быть приняты меры для их популяризации.

При определении задач современной фольклорно-экспедиционной работы мы должны не только исходить из нынешнего положения вещей, но и учитывать те грандиозные преобразования, на пороге которых мы стоим и которые будут осуществлены в предстоящее двадцатилетие. Период развернутого строительства коммунизма будет одновременно завершающим этапом великой культурной революции в нашей стране. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии, говорится: «По мере сокращения времени на материальное производство расширяются возможности для развития способностей, дарований, талантов в области производства, науки, техники, литературы и искусства. Досуг людей будет все больше посвящаться общественной деятельности, культурному общению, умственному и физическому развитию, научно-техническому и художественному творчеству»¹⁶.

В Программе подчеркивается, что в условиях перехода к коммунизму творческая деятельность во всех областях культуры будет становиться особенно плодотворной и доступной всем членам общества. «Получат широкое распространение народные театры, массовая самодеятельность, техническое изобретательство и другие формы народного творчества. Подъем художественно-творческой деятельности масс будет способствовать выдвижению новых талантливых писателей, художников, музыкантов, артистов. Развитие и обогащение художественной сокровищницы общества достигается на основе сочетания массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства»¹⁷.

Советская фольклористика призвана всемерно содействовать этому как путем марксистского изучения и популяризации богатейшего фольклорного наследства, так и путем систематического и глубокого изучения современности, внимательной поддержки всех творческих элементов. Она должна создать и сберечь для истории документальное изображение общего хода развития поэтической культуры нашего народа в период построения коммунизма. Вся ее деятельность должна быть направлена к одной цели — способствовать тому, чтобы в процессе коммунистического переустройства быта художественное начало еще больше одухотворяло труд, украшало быт и облагораживало человека¹⁸.

Широкое и вместе с тем детальное изучение современной художественной культуры и поэтического творчества народа может принести в

¹⁶ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, М., 1961, стр. 121.

¹⁷ Там же, стр. 130.

¹⁸ Там же.

этом смысле большую пользу. Для того чтобы достичь духовного изобилия, приобщить каждого советского человека к неисчерпаемым богатствам литературы и фольклора, надо знать, как далеко мы продвинулись по этому пути и что нам предстоит еще сделать, какие достижения и пробелы есть в этой области, как эволюционируют народные вкусы, что здесь следует преодолевать и что бережно сохранять и совершенствовать. Вместе с тем накопление подобных материалов обеспечит возможность нарисовать общую картину художественной культуры народа в эпоху развернутого строительства коммунизма, выявить закономерности этого чрезвычайно важного периода истории поэтической культуры народа, истоки которой — в многовековом фольклорном творчестве.

S U M M A R Y

The debates on the role of folklore studies in our time originated in the 1930's and are still going on. This is explained by the complexity of the processes actually taking place and by the fact that certain theoretical misconceptions of the 1930's—1940's have not yet been overcome.

One of the major tasks of Soviet folklore studies is the restoration of a correct understanding of the subjects covered by these studies. In the opinion of the author of the present article, folklore studies should cover the history of the mass forms of a people's poetic culture, whatever their character (folklore or literary form, collective or individual, oral or written, impersonal or personal).

Characteristic of the contemporary culture of the Russian people is the predominance of literature and of other forms of professional art, while different types of folklore and semi-folklore forms are retained in varying degree in different parts of the country.

The rise of many new forms and types of mass poetic culture and the changing correlation between folklore and literary tradition call for new methods of field folklore research. The dearth of authentic and comparable materials brings expedition work to the fore. A folklore collector and researcher should not restrict his work to recording the texts and collecting disjointed facts from the cultural life of the area under investigation, he should aspire to an all-round investigation of the processes that are taking place, to establishing the role and significance of the individual forms of contemporary poetic culture of the given people, the specific features of their development among the different national, social, age and other population groups. He should also establish the causes that determine the local features of these forms and the speed of their development in different parts of our country.
